

Андрей Поцектаев

8 июля 1579 года состоялось одно из величайших событий не только в жизни Казани, но и во всей истории Русской Православной Церкви. Была обретена чудотворная икона Божией Матери, получившая чуть позже имя в честь нашего города, из земли которого его извлекла 10-летняя девочка Матрона.

Казанская икона... Кто в России не знал её? Люди могли жить в глухой

Родился (1979) в Казани.

Окончил исторический факультет КГУ.

Кандидат исторических наук, член Союза российских писателей.

Автор книг по истории монастырей и храмов Поволжья, а также ряда повестей и рассказов.

Автор и ведущий цикла передач на «Радио Казани»

Казанская икона

деревне, оставаться неграмотными, никогда не быть в Казани и даже не представлять себе, где она находится, но Пресвятую Владычицу «Казанскую» знали все и ежедневно перед ней молились. Много ли нашлось бы таких изб по всей стране, где в «красном углу» не стояла бы Казанская икона. Много ли было таких малых городков, не говоря уж о больших городах, где не соорудили бы в честь неё хотя бы один храм. А всего таких храмов в России были сотни. И не только в России.

Казанской иконе Божией Матери посвящён крупнейший русский монастырь на Святой Земле – женская Горненская обитель в Иерусалиме. Есть храмы во имя «Богородицы Казанской» и на Афоне – собор в большом скиту Кромница и отдельная Казанская обитель при Ставроникитском монастыре.

Один из почитаемых списков Казанской иконы хранится в Дамаске (Сирия), а так называемый Римский, или Ватиканский список признала в XX веке своей великой святыней католическая церковь. Именно этот образ из Ватикана в 2004 году был передан представителями Папы Римского Патриарху Алексию II, а 21 июля 2005 года – на празднование 450-летия Казанской епархии, – привезён Святейшим Патриархом в Казань. Состоялся многотысячный крестный ход к месту обретения чудотворного образа – туда, где ныне вновь возрождается Богородицкая обитель, некогда одна из крупнейших женских в России.

А о том, что произошло здесь за 426 лет до этого, подробно повествует очевидец, святой патриарх Гермоген, в то время ещё бывший простым казанским приходским священником Ермолаем (язык того времени настолько колоритен, что лучше привести отрывок подлинника, чем пересказывать его своими словами):

«Итак, Богородичная икона явила себя таковым образом: Владычица не открыла образа Своего ни святителю города, ни властному начальнику, ни вельможе, ни богатому и не мудрому

старцу, но явило свое честное сокровище... – юной дочери простого, искусного в военной стрельбе воина, имеющей десять лет от роду, по имени – Матроне; сей-то девице и явилась она чудная и пресветлая Богородичная икона. После пожара, в то же лето и в том же месяце, вот начала являться одной девице, имя которой мы уже раньше называли, пресветлая икона Божией Матери и велела ей пойти в город и рассказать о Богородичной иконе, которую видела, архиепископу и воеводам, чтобы они пошли и вынули из недр земли образ Пречистой Богородицы, причём указала и место, где могут обрести честное сокровище необычайного бисера – чудную икону Богородицыну. Девица же, по юности и недомыслию, побоялась поведать о видении и рассказала только матери своей, та же не обратила внимания на её слова. После же, опять в видении, и не один раз, являлась ей пресвятая и чудная она икона и велела ей непременно рассказать о сём видении (властям), девица же не один, а много раз говорила матери своей о явлении той чудной Божественной иконы и просила её без колебания поведать об этом видении. В один же день случилось девице оной, имя которой мы уже выше написали, спать в полдень, и внезапно девица очутилась посреди своего двора, в котором она жила, и тотчас явилась ей чудная и пресветлая Богородицына икона в страшном – огненном виде, испуская пресветлые и очень страшные огненные лучи, так что думалось ей, что от пресветлых тех сияющих от иконы лучей она сама будет сожжена, и голос страшный был к девице от образа, говорящий: «Если не поведаешь слов Моих и не пойдёшь вынуть образ Мой из недр земли, то Я явлюсь в другой улице и в ином городе, ты же сделаешься больной до тех пор, пора не кончишь во зле жизни своей». Девица же от этого страшного видения зело ужаснулась, пала на землю, была как мёртвая и лежала на земле много часов, и (как только очнулась) возопила сильным голосом к матери

своей, чтобы она, шедши, поведала Архиепископу и правителям того города о чудной и пресветлой иконе Преподобной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и передала ей все слова, слышанные ею от пресветлой иконы, указавши ей и место. Мать же девицы поспешно пошла в город к воеводам, привела к ним и девицы и велела ей самой рассказать всё, что с нею содеялось; девица же поведала им все глаголы, слышанные от пречудной и великолепной Богородичной иконы, указывая и место; они же, одержимые неверием ко пречестной иконе Пречистой, о которой поведала им девица, не обратили на это никакого внимания. Тогда мать, прослезившись и взяв дочь, пошла к Архиепископу и поведала ему те же прежде сказанные слова, указывая и место, дабы повелел вынуть святую Богородичную икону; архиепископ же не внял речам её и отослал её без дела. Был же приход их в 7-й час дня, а обретение чудного пресветлого образа Богородицына – в двенадцатом часу дня, после пожара в тот же год, месяца июля в восьмой день, на память святого великомученика Прокопия. Было же дело так: пошла та жена к своему дому, рассказывая всем людям о чудной иконе, какое видение видела дочь её, люди же, дивясь словам её, отходили, не внимая речам их; она же, взявши заступ и пришедши к показанному месту, начала долго копать и не обретала искомого; спустя немного времени начали и другие копать и вскопали уже всё место то, но ничего не нашли, вышеупомянутая же девица оная начала копать на другом месте, где прежде была печь, также (копали) с ней и прочие. И когда выкопали немного более двух локтей, о чудо! Явилась чудотворная икона Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного ее Одигитрия, вместе с предвечным Младенцем Господом и Богом Иисусом Христом; на чудной же иконе той был ветхий рукав одежды из вишневого сукна: самый же чудотворный образ чудно сиял светло-

стью, как будто вновь был написан красками, тогда как земной прах нисколько не коснулся того чудного образа, как сами мы видели. Девица же, взявши образ Пречистой со страхом и трепетом и радостью, поставила его на том же месте. Люди же, бывшие тут, возопили, и вскоре стеклошь бесчисленное множество благочестивых из народа, вопиюще со слезами; «Владычица, спаси нас!» И послали весть к архиепископу и к правителям города; архиепископ же вскоре приказал звонить в колокол и пошёл с крестами и со всем освящённым собором, с воеводами и со множеством народа, на то место, где обрели чудную икону Пречистой, и видел образ Пречистой, как бы новый дар, пречудно светящийся, и очень дивился и недоумевал, что такого начертания образ никогда и нигде не видал прежде; одержимый же радостью и страхом за своё неверие, с плачем молился и просил милости и прощения за свой грех. Также и воеводы с плачем просили милостивого (прощения) за то нерадение и неверие, которым согрешили пред чудотворным образом Пречистой. И весь народ городской стекался на то дивное божественное чудо».

В том же 1579 году, указом Ивана Грозного, на месте явления чудотворной иконы был основан Богородицкий женский монастырь, впоследствии ставший главным объектом всероссийского паломничества в наш город – особенно в XVIII – начале XX вв. Девица Матрона, обретшая икону, приняла в нём постриг с наречением имени Мавра. В 1595 году было установлено местное празднование Казанскому образу Божией Матери – 8 июля по ст.ст. (с 1649 года оно стало всероссийским).

Второй праздник в честь Казанской иконы (22 октября/4 ноября) установлен в воспоминание событий 1612 года, когда в Смутное время решалась судьба России. Уже заточённый поляками в темнице священномученик патриарх Гермоген (тот самый свидетель обретения иконы в 1579 году) сумел передать последнее письмо нижегородцам:

«Пишите в Казань к митрополиту Ефрему. Пусть пошлёт в полки к боярам и к казанскому войску учительную грамоту, чтобы они стояли крепко за веру...»

Святитель Казанский Ефрем (1613 г., мощи его ныне в Петропавловском соборе Казани) оказался первым по старшинству архиереем Русской Православной Церкви после кончины в тюрьме св. Гермогена. Он послал к войску не только грамоту, как завещал патриарх-мученик, но и Казанскую икону – как благословение «всему миру» в освободительный поход на Москву. Поход состоялся в том же 1612 году.

В истории столицы ещё никогда не было периода столь долгого пребывания её во вражеских руках. Уже два года Кремль, со всеми его святынями, занимали поляки. Остального города просто не существовало. Он весь сгорел в пожаре 1611 года. Первому Ополчению тогда, после упорных боёв, так и не удалось освободить столицу. Поляки укрылись в Кремле и Китай-городе и сожгли всё вокруг. Ополченцам достались лишь развалины и полностью разорённые окрестности. Гораздо страшнее то, что развалилось тогда из-за внутренних противоречий само Первое Ополчение. Раздрай в тогдашнем российском обществе полностью, как в зеркале, отразился во всей его структуре. Разделённая и разорённая Москва тоже, в свою очередь, представляла собой как бы портрет России в миниатюре: часть принадлежит оккупантам, часть... вообще никому не принадлежит, кроме банд мародёров.

Второе Ополчение было благословлено Самой Матерью Божией – через Её чудотворную Казанскую икону. Может быть, поэтому дела его пошли совсем по-иному?.. Впрочем, опасность повторить судьбу Первого Ополчения оставалась. Именно поэтому капитуляции польского гарнизона Кремля ждали с таким волнением. Что произойдёт раньше – поляки сдадутся от голода или... Это тревожное «или» было тогда главной проблемой спасения России. И чем больше росла тревога, тем боль-

ше оставалось уповать на небесные, а не на земные силы. Опыт предыдущих лет Смутного времени показывал, что одних только военных побед какого бы то ни было талантливого полководца (например, Скопина-Шуйского в 1609–10 гг.) совершенно недостаточно для спасения. Нужно единство страны, а для единства есть только один цемент – вера. И настоящим олицетворением этой веры – знаменем грядущего воскрешения страны «из мёртвых» – стала именно Казанская икона.

Первые успехи в боях в августе 1612 года – отражение атак пана Ходкевича, так и не сумевшего прорваться с подкреплением к своему гарнизону – ещё не означали победы. Блокада Кремля ополченцами растянулась на два месяца, до октября. В случае дальнейшего затягивания осады Второе Ополчение могло просто распастись и разбредиться, точно как и Первое.

В условиях этого опасного соревнования со временем, исход которого никто не мог предсказать, и был проведён общий молебен перед Казанской иконой – под самыми стенами осаждённого Китай-города. Три дня всё войско постилось и молилось. В это же время греческий епископ Арсений, находившийся в Кремле в плену у поляков (как и скончавшийся чуть раньше св. Патриарх Гермоген) сподобился видения: «Среди полнотной тишины вдруг келья его наполнилась светом, и он увидел перед собой святого Сергия Радонежского. «Арсений, – сказал преподобный Сергий, – ваши и наши молитвы услышаны; предстательством Богоматери суд Божий об отечестве преложен на милость: завтра Москва будет в руках осаждающих и Россия будет спасена». Это случилось 22 октября 1612 года (по ст. стилю). Казаки, после выноса иконы перед войском, стремительной атакой взяли Китай-город. Через четыре дня сдался победителям и Кремль...

В конце 2004 года решением Государственной думы 4 ноября (22 октября) объявлено государственным праздником России. Восстановлена истори-

ческая традиция – ибо всероссийским торжеством был этот день и до 1917 года. «9 Мая дореволюционной России» иногда называют его в наше время, пытаюсь найти подходящую аналогию тому великому событию 400-летней давности.

Таким образом, Казанская икона – особая в русской истории, даже по сравнению с другими величайшими святынями: Владимирской, Смоленской, Донской, Иверской... Те не раз спасали страну, и особенно Москву, от вражеских. Но ни при одном из этих набегов не стояло под угрозой само существование России – как государства, как цивилизации... То, что мы празднуем в день Казанской иконы, – это разрешение исторического вопроса: быть или не быть России.

Через 20 лет, в 1632 году, на месте, где перед станом была выставлена святая икона, на средства князя Пожарского был построен Казанский собор. Он на века стал местом пребывания Московского чудотворного списка Казанской иконы – одного из трёх самых почитаемых, наряду с Казанским первоявленным образом и более поздним Петербургским списком.

Ещё многие важнейшие события русской истории связаны с Казанской иконой. Прибытием её списка было освящено основание Санкт-Петербурга. И 300 лет северная столица живет под Её благодатной сенью. «Казанская икона будет покровом города и народа твоего, – предсказал св. Митрофан Воронежский Петру I. – До тех пор, пока она будет в столице, и перед ней будут молиться православные, в город не ступит вражеская нога». И действительно – город на Неве никогда не был взят врагами. Петербургский список Казанской иконы или, как его ещё называют, Северная Казанская икона, и поныне находится в нём. Большинство петербуржцев свято верят, что это и есть подлинник 1579 года... так же точно, как свято верили москвичи, что подлинник у них (до 1918 г., когда Казанский собор на Красной площади был разграб-

лен и икона исчезла). В действительности, Петербургский список в два с лишним раза превосходит размерами первоявленную Казанскую икону XVI века (13,5 на 12 вершков против 6 и 5 у подлинника), и выполнен он был в конце XVII века, по заказу Прасковьи Федоровны – вдовы скончавшегося в молодости царя Иоанна Алексеевича, брата Петра I. Но... чудеса всегда даются по вере, и от Петербургского списка истекло и истекает огромное количество чудес и исцелений. А построенный в начале XIX века Казанский собор на Невском проспекте стал не только «визитной карточкой» Петербурга, но и одним из нескольких величайших храмов России – и по размерам, и по духовно-историческому значению.

Другие вехи русской истории также тесно связаны с Казанской иконой. Вспоминали о ней и в грозном 1812 году, и в 1941–45-м... Всё это не раз описано в огромном количестве публикаций. В то же время следует предостеречь от некоторого ажиотажа последнего времени – от духа «сенсационности», вряд ли подобающего такой святой теме. К сожалению, немало в современном Татарстане, да и в целом в России, озвучивается малодостоверных слухов, связанных с историей чудотворной иконы. Так, например, что бы ни утверждали сейчас, в действительности в «день Бородина» при ставке Кутузова находился Смоленский, а не Казанский чудотворный образ. Легендой остаётся и то, что Кутузов будто бы лично вынес «завёрнутую в шинель» Казанскую икону из оставляемой Москвы. В действительности икона была эвакуирована заранее. Есть народное предание, но нет достаточных документальных свидетельств о крестных ходах с Казанской иконой в 1941–42 годах вокруг Москвы, Ленинграда и Сталинграда...

Эти и другие, как бы, «мелочи» вкупе создают мифологизированную картину – в центре которой, к сожалению, не столько вера и история, сколько сама «реликвия», очень нужная для создания «международного паломнического

центра». Но если не задаваться политическими задачами, то можно легко отделить зёрна от плевел...

Мы должны чётко осознавать, что находящийся сейчас в Казани Ватиканский список иконы – это именно список, хотя и чудотворный. Точное происхождение его неизвестно (есть версия, что он из Дивеево). Ясно одно – по стилю исполнения икона никак не старше конца XVII века, и размеры её значительно больше первоавленного образа. Другое дело, что благодать даётся по вере, и в этом смысле вопрос о подлинности вообще не имеет никакого значения: для Бога он не актуален.

Если же быть дотошными и пунктуальными, то надо сказать, что история подлинника таинственным образом оборвалась век назад.

В ночь на 29 июня 1904 г., в год 325-летия обретения, явленная Казанская икона была похищена из собора монастыря. Вор Чайкин вместе со своими поделниками был пойман, но показал на следствии, что изрубил и сжёг икону в печи. Ему якобы нужны были лишь драгоценности, украшавшие её. Кроме того, видимо, играла роль и своеобразная воровская гордость: похитить величайшую, всем известную святыню. Чайкин был безбожником и даже годы спустя в Шлиссельбургской тюрьме хвастался, что он украл и уничтожил такую икону и никакой Господь его за это не разразил.

«Смутилась и поражена тяжкой печалью Казань. Весть о невероятно гнусном, ужасном преступлении глубокой скорбью отозвалась во всей православной России, – сказал тогда в своей проповеди архиепископ Казанский Димитрий. – Попущением Божиим злой человек похитил у нас наше сокровище и, быть может, истребил. Но мы крепко надеемся, что Пресвятая Дева не лишила нас своей милости».

Многое в этой трагической истории 1904 года было и остаётся неясным. Есть люди, которые до сих пор верят, что подлинная икона 1579 года уцелела и где-то сокрыта. И Чайкин мог со-

лгать, что сжёг икону, и... украсть мог не ту. Есть люди, которые говорят, что игуменья монастыря, боясь похищения, держала подлинник у себя в келье, а в соборе – лишь его точную копию. Ясно одно: чудотворный образ Божией Матери, таинственно явившись, так же таинственно исчез – в самую годину бедствий, надвигавшихся на нашу страну, за полгода до первой русской революции и за 13 лет до революции Октябрьской.

Оборвалась история первоавленной иконы, но начиная с XVI века множество списков Казанской иконы разошлось по всем уголкам России. Десятки из них прославились многочисленными чудесами. Энциклопедия «Христианство» (1993–95 гг.) называет 42 чудотворных списка – и это лишь наиболее почитаемые из всех. Римская икона и некоторые другие, прославившиеся в наше время, не входят в этот каталог.

Самые древние чудотворные списки: Ярославский (1588 г.) и Табынский (1597 г., Южный Урал). Как и первообраз, обретенный в Казани, они были явленными – то есть найденными чудесным образом по Божьему указанию.

Из имеющих особое значение икон-хранителей великих городов следует отметить обычно редко вспоминаемую Казанскую икону – хранительницу Киева: тот список, что с XVII века висел над Золотыми воротами этой «матери городов русских». Он так и вошёл в историю под названием Златовратского. Другой прославленный образ дал название одному из пещерных храмов Киево-Печерской лавры. Так Казанская икона оказалась покровительницей не только Москвы и Петербурга, но и первой столицы Руси – Киева. Небесной – чудотворной иконы Казанской. Именно этой иконе было посвящено в нашей стране больше монастырей, чем любой другой. Двадцать шесть Казанских Богородичных обителей существовало в Российской империи в начале XX века. Для сравнения: было 14 Богородичных обителей Знаменских, 9 – Вла-

димирских, 7 – Тихвинских, 5 – Смоленских...

Количество храмов в честь Казанской иконы и вовсе не поддаётся исчислению. В одной только Москве сохранилось до нашего времени десять (!) Казанских церквей – и это только приходских, не считая монастырских. Кроме того, пять Казанских храмов столицы были разрушены советской властью. В их числе – хорошо памятный ценителям русской литературы храм на Большой Якиманке, «у Калужских ворот»: он неразрывно связан с детством Ивана Шмелёва и много раз с любовью опи-

сан в разных главах его «Лета Господня». Описан – как ни один другой храм в истории русской литературы. Под сенью Казанской иконы прошло всё детство писателя: «Теперь, ложась спать, я молюсь Богородице Казанской, тёмная у нас икона в детской. Молюсь и щурюсь... Вижу лучики – лучики лампадки, будто это на небе звёздочки, и там, высоко, за звёздами – сверкающий омофор-Покров. И мне ничего не страшно...» (И. Шмелёв. «Лето Господне»).

«Ничего не страшно...» Так просто сказано!